

Пугачева А.Б.

24/1x 88

ИЗВЕСТИЯ
г. Москва

27 СЕН 1988

Алла Пугачева:

В АМЕРИКЕ О СЕБЕ...

Есть интервью не для печати. Не потому, что в них какие-то сверхсекретные сведения. А потому, что каждое слово, сказанное тем, кого интервьюируешь, надо слышать, а еще лучше — видеть. Видеть, как оно произносится: не передать на бумаге эмоции, в это слово вложенные, не скопировать выражения глаз, не воспроизвести едва заметно жеста.

Боюсь, что и то интервью, которое я брал у Аллы Пугачевой, не для печати получилось. Но дело сделано...

Вот что рассказывала Алла

Пугачева перед своим концертом в «Карнеги-холл», перед концертом, которым завершились первые ее гастроли в Соединенных Штатах:

— Я ехала сюда с ощущением тяжести лет, так скажем. Давно же я работаю... и лет мне немало — в будущем году сорок стукнет. Давно пою, есть усталость, даже недоверие к себе, к своим силам. Груз какой-то. Думаешь: уже столько сделано, чего еще то делать? А здесь от смены обстановки как бы вернулось прежнее ощущение. В Америке страшный темп,

я словно вновь оказываюсь в семьдесят пятом году. «Орфей» в Болгарии... Вновь чувствуешь свои возможности.

— Как вы оцениваете собственные шансы стать популярной в Америке?

— Да никак. Я вообще не оцениваю. Единственное, чего я хочу: чтоб в Америке знали, что я существую, что есть такая в СССР.

— Теперь, после гастролей знают?

— Еще нет, но начинают знать. Так же, как мы знаем,

что такая-то певица существует в Америке. Для этого необязательно ей было быть в Союзе. Мне нужна определенного рода реклама. Для этого и ездить сюда не нужно особенно. Видеоклипы, пластинки — надо научиться умело рекламировать их на Западе. Я не только о себе говорю. Я хочу этим заниматься. И буду. Я чувствую, что американской аудитории нравится то, что я делаю — не специально для них, а то, что я делаю вообще. Это дает мне какие-то, страшно говорить, надежды. Что год-два-три, и я найду свою аудиторию в Америке. А вообще-то я ни на что никогда и не надеялась, я работала себе дома, раз и навсегда решив посвятить все свои силы советской публике.

— Не пытались вы понять,

что американцев привлекает в вас?

— Думаю, лиричность плюс экспрессивность. «Раши соул», как они прозвали, «русская душа». Блюзовая, как бы русская певица. Им совершенно без перевода ясно, о чем я пою... Американская аудитория — она как бы более детская. Это меня страшно удивило. Я, честно говоря, ожидала большей требовательности ко мне. Абсолютный контакт с ними устанавливается сразу.

— На первой вашей пресс-конференции в Америке вы говорили, что одна из целей поездки сюда — найти продюсера. Нашли?

— Да, кажется, нашла. Есть некоторые перспективы на будущее, есть планы.

— А какие? Хотя бы намеком...

— Я хочу устанавливать контакты не только как певица, но и как художественный руководитель театра песни, который уже существует. Пока только на бумаге. Его строить надо. Пока же он существует как фирма. Я могу выступить в качестве продюсера того или иного певца или группы, или пригласить западную группу на гастроли к нам.

— Но ведь есть Госконцерт, Союзтеатр...

— Мы как раз от Союзтеатра. Раньше я никому не говорила о театре песни. Он только-только организовался при Союзтеатре. Два месяца как.

— Выходит, я первый, кто получил эту информацию?

— Да. Театр песни открылся как фирма. Это только начало.

Теперь мы должны заработать деньги на этот театр, на оборудование. Все сами! Деньги, что мы сейчас заработали, мы истратили на аппаратуру.

— Вы обогатили свой репертуар, пока были в Америке?

— Нет, никого из артистов не встречала, у меня этого и в планах не было, честно говоря... Хочу найти такую песню, которая будет здесь популярна. Пусть хоть одну знают.

— Есть такая?

— Мне кажется, что есть. Есть мелодия (подходит к роялю, играет). Еще неясно, правда, какой ритм, аранжировка. Может, получится очень хорошо...

А. ШАЛЬНЕР,
соб. корр. «Известий».
НЬЮ-ЙОРК.